

АЛОЕ
СТИХИ.

АНАТОЛИЙ СУББОТИН.
СЕРГЕЙ СУХОНИН.

36003

Анатолий Субботин.

Громом рассыпался молот,
Золото в брызгах горна,
На двое месяц расколот,—
Пляшет девица-земля.

Утром сегодня в плакаты
Мы написали призыв;
Солнцем завесили хаты,
Змея-купца победив.

Молот рассыпался в зори,
Круг наковален—весь мир.
Ленина речи, как море,
Ленин — творцов поводырь.

Звонки частушек молитвы,
Молот-серебряный звон.
Утром сегодня на битву
Вынес нас огненный конь.

Тонут в воздухе грозные звонь боев,
Будто розы алеют широкие раны,
Пахнет гарью и смехом от стен городов,
Куполами вздымаются красные храмы.

В звоне боя, в пожаре великих годин,
Пляшет улицы бег — быстрокрылое
время;
Распахнула заря полы маки на тын,
Пухом нежит земля песен новое семя.

Песен нашей свободы, зари и труда —
Коллектива великого звездные знаки,
И с позорного рынка — продажи раба
Поднимаются к небу горящие флаги.

Тонут грозные в воздухе звонь боев,
Будто розы алеют широкие раны.
В этом звоне рождается весна городов,
Выше солнца и звезд встанут красные
храмы

Творцы голубого, весеннего,
Однорогие братья мои,
Над вами раскинусь молебнами
И сольюсь в поцелуйные дни.

По земле сухоты синеглазой
Ходит призрак—волнующий рок,
Ходит призрак кидая алмазы
В золотой, острозубый восток.

Над полями, над хатами ранью
Разливается розовый звон,
Обнимаются елки под шалью
Среди звезд — золотых веретен.

Творцы голубого, весеннего,
Однорогие братья мои,
Над вами раскинусь молебнами
Я в святые и красные дни.

Если мы поднимаясь над безднами
Черной злобы и черных смертей,
Ныне вышли рядами железными
Из багрянца доменных печей.

Если солнце расплывалось в золото
Под лучами сверкающих граэ,—
Вздрогнув бьет сокрушающее молотом
Огневой искупления час.

Если сердце земли заполохнуло
Стала смелым дорога ясна.
Где то в солнцах могучее охнуло,
Повернув мировые кросна.

В битве тяжкой скрестилися на-мертво
Силы двух острозубых миров.
Сердце кровью горячею налито,
Сердце кровью полно до краев.

Нашей силы—великого молота
Не связать огнедышащий пыл.
Молот наш из червонного золота,
Наша кузница—солнечный мир.

И куем, мы куем перехватами
Цени злобе и смерти конец...
Кто сравнится в полете с орлятами?
Где раскроется сердце сердец?

Рабы, рабы, прожгу ли вас
Своим пылающим глаголом,
Для вас ли бьет последний час
И вскрыты облачные полы?

Для вас ли судороги дней?
Для вас ли отзвуки дерзаний?
Кроты под солнцем мятежей,
В людях—гноящиеся раны.

Творцы, носители в былом:
Идей, надежд и упований,
Для вас ли в золоте дневном
Раскрыты жизни самобраны?

Червяк под фиевым листком,
Мирок булавочных головок,
С душой мечтающей цветком,
И с духом розовых пеленок.

Для вас не красен битвы свет,
Не ярки в тучах грозы-гневы.
Для вас ли биться и гореть
И сыпать жизненные севы?

Как неких платаный кошель
Живет добротным подаяньем,
Так вы, заплетшие кудель,
Рассыпались чужим страданьем.

Все ваши храмы—пыль земли,
И жетвы—мусорные груды.
Глядите, полоса зари
Являет солнечное чудо.

Рабы, рабы, прожгу ли вас
Своим пылающим глаголом,
Для вас ли бьет восстанья час
И вскрылись облачные полы?

Где пляшет пляску буря,
В огне кресты дорог,
На солнечной лазури
Наш новый ледоход.

Под талой шапкой снега
Весенние поля,
Скрипит, стучит телега
Из голубого дня.

Поют молитвы птахи
Звонят стада коров.
Весна — что гостья — сваха
Ведет невесту — новь.

Земля вдохнула жадно
Из синего ковша,
Плакатами нарядно
Цветет, цветет душа.

Присела ночью буря
В навозный ил дорог.
Шумит, шумит как улей,
Хохочет ледоход.

Сорвав веков закрепы
У красного костра,
Несется грозный трепет,—
А даль ясна, чиста.

Проходят друг за другом
Творцы мятежных дней,
Кто с молотом, кто с плугом,
С свечами октябрей.

Все братья в белых ризах.
В червонных стихарях.
На розовых карнизах
Цветы из алых блях.

Последней пляской буря
Сплясала на заре,
И умерла в лазури,--
В всесветном Октябре.

Сергей Сухонин.

Мрамор скал у моря ярок.
Тень темней вороных крыл.
Под нависшим грузом арок
Свиток огненных Сивилл
Кто над Римом, тот над Миром—
властелин богатств земли.
Солнца сок налит в кратиры.
В небе стонут журавли.
Рабский град. Суров диктатор.
Варварийским станом зол.
Нижет рати глациатор,
Сея огненный глагол.
„Братья! Мир освобожденный,
Мир творенье наших рук.
Ум горит неугомонный.
Наш язык безцеремонный
Скорострелый звонкий лук.
Мир ярем железный сбросит.
Вскинет знамя мятежа.
Очищенья жертвы просит

36903

Знак святого рубежа.
Тот рубеж между веками
Угнетенья и свобод.
Братья! Истина за нами
И раскованный народ.
Выше вей свободы знамя
Пламенеющих надежд.
Не угаснет воли пламя
Несмыкающихся вежд.
Мир насилия содрогнется
И падет пред нами ниц.
Бунт священный отзовется
Полыханием зарниц.
Все как один гладиаторы встали
Мощным призывам покорны.
Жены о мужах, сестры о братьях рыдали.
Яро пылали могучие горны.
Утро свободы. Немеющий страх
Сердце объял оптимата.
Тело распяли на черных крестах.
Воля осталась крылата.

Париж горел в крови. Огни цвели за-
ката.

Сияла Сена лавою стальной.
Безумием войны страна была объята.
Насилье брызгало отравленной слюной.
И были храбрые... Священный гимн
рабочий.

„Коммуна будь и огради Париж“
И с трепетом глядит влюбленный в
быль книгочий

На прокламацию в тиши аркад и ниш.
Бей в барабаны.
Страшны-ль нам раны.
Строим мы мир золотой.
Труд наш извечно святой.
Огненно яры....
Вперел коммунары....
На бой... На бой...

Баррикады воздвигались, как дома.
Помогала им свобода мать сама.
В парапетах над излучиной реки
Орудийные защелкали замки.
Лавиной лился люд. На площади Ван-
дома

Повержен был во прах Наполеона столп.
Над миром раздались раскаты гимнов
грома.
И внедрились в сердца людских миль-
онов толп.
И был кровавый бой. И женщины и
дети.
На мостовых мозги. И пятна на стенах.
Наемною рукой затягивали сети
Проныры *de Versaille*. Париж пылал в
огне.

Кто не богат,
И стар и млад
К заветной близок цели.
Богатым суд
А бедный люд
Зашиту в Коммуне имели.

В ограде баррикад с распущенной косою
Металась женщина. Уже одна... одна....
А раненый хрипя подбитою рукою
Ей бомбу подавал. Последнюю... Она
На синих ринулась. Ответным залпом
пуль
Навзничь повержена по скату барри-
кады.
Ей сняться облаков жемчужные армады
И в дружеской руке привычен верный
руль.

Бей в барабаны,
На синие станы.
Пламенно яры.
Вперед коммунары.
И стих отважный бой. И синие стрелки
На красных меткость меряли руки.
Но в памяти живут победоносно яры
Рабочей Франции Святые Коммунары.

Случайно столкнулись на улице
Проклятого спрута города,
Где даже весеннее хмурится,
Где старое молодо.
Колючей иглы золотистая пыль
Мрачного дома табачной фабрики
Осмуглала лицо. Не казка, а быль.
Не в театрах Ращелии Гаррики.
Типографии гулкой блестящий свинец
У него зарумянил белесые щеки.
На деревне глухой голодает отец.
Но в столице изящный смокинг.
Пылало и жгло золотистое солнце.
Радужной нефтью сиял залив.
Взяли двухвесельную лодку эстонца.
Путь держали к зелени ив.
В рдяной ползучей мгле
Пахнет смолисто ель.
Тихо склонились к земле
Пана звучит свирель.
Миг упоенный и томный.

Терпкость запекшихся уст.
Звездное небо огромно.
Мир равнодушен и пуст.
Серые дни расклевавшийся студень.
Вновь не вернуть этот вечер.
Мреющей смерти скорый предтеча
Кашель прерывистый нуден.
Вялый недолго маячил ребенок.
Злая чахотка сглонула отца.
Стан молодой был изящен и тонок.
Томная нравилась смуглость лица.
Миг замедлилась над мостовым проле-
том

И как чайка раненая в грудь.
Расплеснулись волны синим водометом
Одинок и темен был последний путь.
Положили бережно на топкую отмель.
У травы близ купы чахлых вялых ив,
Где чернеет четко памятная ель,
Где сияет радугой мраморный залив.

Суровым мужеством лицо сияло.
Власа— венец.
Передник вымоченный ало.
Угас борец.
В тиши болот искателем свободы
Сторожевым.
Как облака минули годы,
Как легкий дым.
Случайный раб, солдат жестокий
С издевкой избил, надругался всласть.
Как толсты стены, дворцы высоки.
Судьбы проклятой зияет пасть.
Что ж это будет, на что это похоже?
О, камни, камни! Обратитесь вслух.
Усталое тело на грязной рогоже.
Как пламя с ветром борется дух.
Мало по малу толпа
Высоких стройных рабочих.

Тверда стопа
И зорки очи.
О милый, милый товарищ!
Запомни и верь.
В дыме пожарищ
Застигнут зверь.
Благодарный открыл глаза....
Простите, товарищи, смерть.
Но чую идет гроза
И омоет земную твердь.
Тянувших жилы, дробящих кости и
пьющих кровь
Не станет.
И любовь, вечная любовь
Настанет.
Умер.
Зовуще согнуты пальцы руки.
На веках белых блестят пятаки.
Умер.

Завод был странным обуян движеньем.
Скрипели двери, шоркал шум шагов.
Рыдали блоки, лязгали ключи.
На стружках стали брезжил свет свечи.
И тьма сторожкая глядела из углов
Старозаветным привиденьем.
В тисках мохнатых черных паровозов,
На остовах мятущихся станков
Кишили головы. Сердца биеньем пол-
ным

Родили гул. Так перед бурей волны
Морей готовят бой твердыне берегов
И ветра мчит порыв бестрепетен и
грозов.

Да будет выкинут заутра красный флаг.
И мощная толпа земным богам укажет...
Что? Кровь? Прольется кровь?
Все оправдает братская любовь.
Кровь узы братские сильней каната
свяжет....

И ненавистней станет враг.
На утро пуст завод. Умолкли моторы.
Нет визга пил, рыданья передач
Озера площади запружены народом.

История веков глядит единым годом.
А чей в тиши дворцов тревожит душу
плач.

И чьи надменные поникли долу взоры.
Но тверд железный штык в руках убийц
послушных.

Неровный бой недолг. Алеет пыль
дорог.

Вожди захвачены. Короток лживый суд.
Урок истории берет рабочий люд.
Болото сплочено и торжествует бог,
Тупой, распутный бог прохожих равно-
душных.

А злоба в глубь ушла груди
Дружнее стань плечом товарищ!
Победа жизни впереди
При полыхании пожарищ.
То будет бунт труда святой.
Мы скинем вражеское время.
И установит век златой
Непререкаемое время.

А вы кем смело принят бой
Покойтесь в славе вековой.

Великаны скованы. Опута ы железом.
Тянутся темные щупальцы машин.
Нищета подвалов паутинит срезы
Стен, где отуманенный грезит исполин.

Железный рок
Готовит срок.
Расплаты за страданье.
Железный рок
Стремит поток.
Там сила, где сознанье.

Детских хрустенье костей. Кружит
карнавал.

Фабрика кровь обратившая в сажу.
Окрики крепли. Гудок завывал.
Эй работей! Выходи на продажу.
Ремень змеиный зацепит шурша.
Мерно хрустя шестерня оглодает.
Тело на деньги. По грошу душа.
Что, что усталый рыдает.

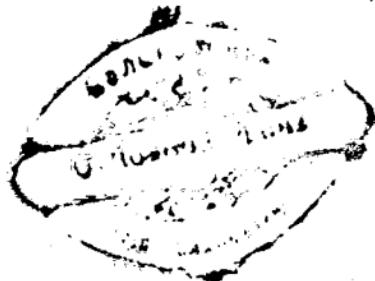
Два электрических фонаря
У толстого банкира осьминога.
Освещена не зря
Пред ним широкая дорога.

Кровавым золотом ослепленные мужи.
Девушки мотыльки, разбившиеся о
стекла.

В пьяном угаре неистово кружит.
Совесть давно осминогов умолкла.

Набат заревой
Раздается над тьмой.
Кричит за горой
Кто то вешний.
Сон растает дурной.
Поспешите за мной.
Многогласной толпой.
Слышите—кто то скрежещет.
Над бездной факелом взметнулся
И факел гулко алый
Во тьму холодную глянулся.
И воззрился усталый.
И понял он
Кошмарный сон.
А небо в звездах ало.
Простерлась длань.
Ниспала ткань.
И зверь визжал не мало.

Сплетает живой пролетарский народ
Руками венок запылавшего мира.
И мчится к подножью златого кумира
По братски веселый стальной хоровод.
Велико возстанье....
Могуче сознанье
Досель распростертых.
Не рай в небесах
На земных на лугах
Воскресение мертвых.
Да сгинут останки кровавых уродов!
Да здравствует вечное братство наро-
дов!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

АНДРЕЙ СУББОТИН:

Громом рассыпался молот	5
Тонут в воздухе грозные звонь боев	6
Творцы голубого, весеннего	7
Если мы поднимаем над безднами	8
Непонявшим	10
Где пляшет пляску буря	12

СЕРГЕЙ СУХОНИН:

Мрамор скал у моря ярок	17
Париж горел в крови	19
Случайно столкнулись на улице	22
Суровым мужеством лицо сияло	24
Завод был странным обуян движеньем	26
Великаны скованы	28